

Александр ВАСИЛЬЕВ, коллекционер, историк моды:

Собирайте пузырьки от лекарств, контурные карты и советскую обувь

— И два месяца растянулись на двадцать лет. Почему?

— Первая причина — любовь. Я был влюблен в девочку Машу, родители которой долгое время работали и жили в Париже. Маша полюбила меня рассказами об этом чудном городе. Ее семья хотела туда вернуться, но в восьмидесятые это было невозможно. И мы с Машей быстро попали в сети КГБ. Наши телефонные звонки прослушивались, на улице мы отворачивались друг от друга, а чтобы целоваться, встречались на дальних станциях метро. Друг — звонок — будете сотрудничать — выпустим. Это я-то?! Наконец нашли перекрестный брак, Маша уехала первая, а я еще пару месяцев тосковал по ней дома. Наконец приезжаю в Париж. А моя любимая: «Я жду ребенка. А ты можешь возвращаться к родителям, аспирантуре, карьере» (я уже работал художником в театре). И к службе в Афганистане — меня лично предупредил об этом военком перед отъездом. И я остался: учился в школе моды, работал декоратором в антикварных лавках при Лувре и — ходил на блошиные рынки. Как я был поражен обилием хорошо сохранившегося старья!

— И стали снова покупать?

— Во многом потому, что всегда боялся бедной старости, а поселившись за границей, особенно. Одна моя подруга, балерина Алисия Вронская, мне сказала: «Покупай потихоньку антиквариат, и на старости лет горя знать не будешь». Сама она так и делала и умерла в возрасте ста лет в собственной постели, а не в госпитале. Хотя это лишь практический повод. На самом деле собирательство — страсть, которую невозможно удовлетворить. Сегодня, уже имея солидную коллекцию, я все равно выжиу в блошиных рынках главный источник пополнения коллекций.

«Я ленивый — люблю полежать в теплой ванне»

— Где вы чаще всего охотитесь на старину?

— Я живу около одного из рынков возле станции метро Porte de

Vanves, на юге Парижа. Профессионалы — историки, искусствоведы и художники — больше других чуют этот рынок, он так и называется — Vanves. Если рано-рано утром, зимой еще затемно, подойти к метро — можно наблюдать странных людей. Спешат, ни на кого не глядят, одеты кое-как, или угрюмо молчат, или разговаривают на ходу сами с собой, в руках объемистые пустые рюкзаки и сумки на колесах. Это не пикник для сумасшедших — это перекупщики. И все они спешат на Vanves.

— Вы тоже встаете в такую рань?

— Ой, я ленивый — люблю полежать в теплой ванне и подхожу только часам к девяти. Но хожу регулярно, поэтому меня давно все знают. А если я пропадаю, уезжаю куда-нибудь, продавцы очень огорчаются: «Что же вы, Александр? Давненько вас не было видно!» И начинают доставать специально для меня припрятанные вещицы. Потому что я всегда покупаю много и плачу наличными — это им очень нравится. Иногда они останавливают меня посреди дороги: «Не уходите без покупки! Что бы вам такое продать? Ну ради старой дружбы купите хоть что-нибудь!» У меня там есть подружки. Одна, испанка Кука, с очень хорошим вкусом — я много чего купил у нее. Однажды показали по телевидению сюжет о моей выставке платяев в парижском Музее Galliera, на следующий день прихожу на рынок, торговцы мне кричат: «А ты, оказывается, не забыл в благодарность, предварающей кину».

«Надо знать все правила и тайные знаки»

— Правда, что на аукционных покупках дешевле?

— Аукционы однозначно дешевле блошиных рынков. Потому что все, что продается на блошиных рынках, попадает туда через аукционы. Торговцы покупают лотами, корзинками — а потом несут на «блошку». Но это большая работа: надо сидеть с утра до вечера, потому что никто не знает, когда подойдет интересующий вас лот. Когда его начнут торговать, надо иметь жесткие нервы, чтобы не дать маху. Надо знать все правила и тайные знаки, которыми обмениваются завсегдатаи. Надо знать историю дел каждого — у меня много знакомых коллекционеров, в том числе русских, которые ходят туда как на работу.

— Как вы реставрируете находки?

— Ищу специалистов по всему миру — и это большая статья моих расходов. Иногда приходится держать у реставраторов вещи месяцами — нет денег. Но они, зная меня, не беспокоятся — я же покупаю вещи не для продажи, а для себя — значит, отдам деньги в конце концов. Поэтому они меня любят. Если это живопись и графика, обращаюсь в музей. Всегда частным образом — подработать хотел все. И я знаю отличных специалистов из Третьяковки и Эрмитажа. Ткани мне помогает восстанавливать Литовский национальный исторический музей. Бронзу и медь реставрирую в Турции, серебро мне делают в Южной Америке, дерево и кожу — во Франции. То, что в моих силах, делаю сам — постираю, поштопаю. Но я всегда боюсь испортить, у меня нет образования. А есть химические реакции, которых я не знаю. Один материал боится масла, другой бензина, третий не выносит спирта. Поэтому я всем советуую обходиться без домашних экспериментов — можно загореться в одночасье. Например, опустив шелк в воду, вы получите съезжившийся кусок материи, с которым ничего нельзя сделать. Свет также большой враг старины.

— Где вы храните свою знаменитую коллекцию платяев?

— В одном домике под Парижем, который снимаю под склад. Это моя боль — ведь платяем нужна определенная температура и влажность. А моль — если обнаружится хоть одна, надо все платяе везти в морозильник, личинки погибнут только при сорока градусах мороза. Иногда я спать не могу — беспокоюсь, как они там. Конечно, я мечтаю о музее или об институте моды. Случится или нет — как Бог даст. В антиквариате никогда не забывай в благодарности, предварающей кину».

«В чем счастье коллекционера?»

— Если коллекция живет после его смерти. Еще большее счастье — если она продолжает жить и пополняться в качестве музея, галереи.

скрепят планки, les panashes уже ценность и тоже говорят о времени происхождения. Как и кнопочка-скрепка внизу — только в восемнадцатом веке их делали «бриллиантовыми». Чтобы не ошибаться, надо читать книги по истории, мемуары, знакомиться со специалистами.

— Какие еще советы вы дадите коллекционерам?

— Если хотите быть успешным коллекционером, выбирайте направление, которое не в моде. Собирайте то, к которому не нужно, — сегодня еще многие вещи можно купить за копейки. Например, кому сейчас нужна посуда середины двадцатого века? Или бытовая техника? Или пластмасса, которой у всех полно в кухонных шкафах на дачах и которую уже не выпускают? А через двадцать лет это будет драгоценная коллекция. Собирайте пузрыльки от лекарств, шахматы, контурные карты, советскую обувь, заколки, полиэтиленовые пакеты. И покупайте дешево — станете миллионером. Моя коллекция — лучший пример: недавно ее страховую стоимость оценили в миллион евро, а начиналась то она с рублевых покупок.

— Не страшно жить с такой ценностью?

— Я никогда не сталкивался с криминалом, но знаю многих, кто пострадал. Французский коллекционер Рене Гера привез в Москву свою знаменитую коллекцию предметов искусства русской эмиграции — и один из контейнеров «пропал» на таможне. Так он еще и сумасшедшую страховку сам заплатил во Франции. Знаменитую Валентину Голод в Петербурге едва не убили: в дверь позвонили девушка под видом социального работника и действительно принесла в коробке крупу, масло, сахар. Пока старуха наклонилась, чтобы посмотреть, та ударила ее молотком по голове. К счастью, медработница была дома — а у Валечки в стене была тайная кнопка в стене, прямо в милицию. Когда милиционеры приехали, увидели двух детей, ожидавших внизу с чемоданами — нести нагробное. А вспомните историю с французским миллионером, галеристом Басмаджяном — в советское время он приехал для переговоров в Москву, ему позвонили в номер отеля, он сказал: «Мне привезли что-то интересное», вышел — и его ищут до сих пор. А художник Татьяна Бруни убили в собственной квартире из-за коллекции.

— В чем счастье коллекционера?

— Если коллекция живет после его смерти. Еще большее счастье — если она продолжает жить и пополняться в качестве музея, галереи.

Английские часы XVIII века в корпусе из красного дерева с бронзовыми вставками на фоне знаменитого коллекционера и знатока интерьерных стилей Александра Васильева

Впервые знаменитый коллекционер и историк моды Александр ВАСИЛЬЕВ представляет предметы из своей уникальной коллекции, которую собрал в течение двадцати лет. С Александром ВАСИЛЬЕВЫМ встретилась обозреватель «Известий» Лидия ШАМИНА.

«Никуда не деться от Сани Васильева»

— Правда, что вас в юности звали помошечником?

— Первый — я сам. Я учился в школе на Пречистенке, где было много старинных домов, которые постоянно расселяли. И люди, переезжая в «хрущобы», что тогда казалось благом, просто бросали старые вещи, а я подбирал. Жестяные коробки от монпансье, платяе, кружева, очки, перчатки, чугунные утюги, дверные ручки, альбомы с фотографиями, глобусы, учебники, театральные программки, трамвайные билетки — все это было никому не нужно. Никто с собой эти вещи не брал, кто поумнее — продавал киностудиям, но это было скорее исключением. Во многом благодаря тому, что все-таки жива была идея о том, что мы старый мир разрушим до основания... а затем? Я и сам тогда об этом не думал. Но почему-то походы на арбатские помойки после школы стали для меня осознанной необходимостью. И с восьми лет до шестнадцати я ходил по помойкам почти каждый день.

— Вы знали таких же, как вы, бархольщиков?

— Таких, как я, тогда в Москве было несколько. Что стало с другими, не знаю, мы не дружили, напротив, конкурировали, что обычно в нашей среде. Иногда я видел рожущихся в тряпье юнцов или старушек, но никогда не спрашивал, что им интересно, — у коллекционеров это не принято. Главная проблема была в том, что сбыта подобным вещам тогда не было — вот почему люди оставляли бесценную старину. В то время в Москве было только три антикварных магазина: один, на набережной им. Тараса

Шевченко, торговал картинами; бронзу можно было купить только на улице Димитрова, а мебель — на Фрунзенской набережной. И никто из них просто не брал то, что сейчас стоит денег. Вот недавно я купил в Москве рукопись Яблочкиной о Ермоловой — за двести девяносто рублей. Хочу подарить ее Музею Ермоловой. А тогда бы эти листки просто выбросили.

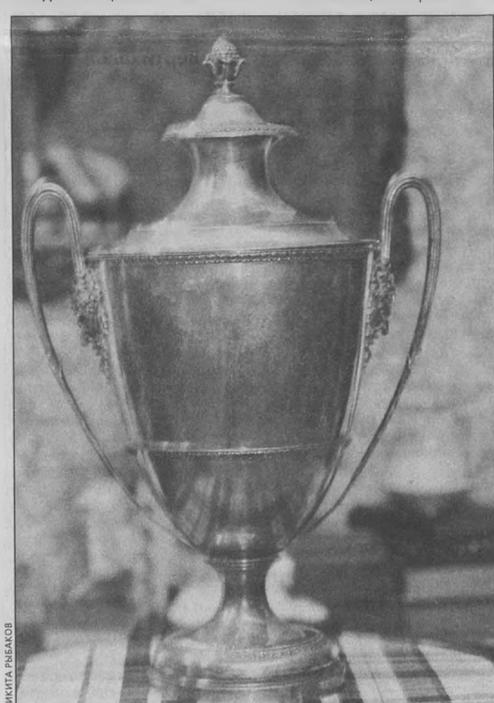
— Кто-то помогал вам?

— Только родители. Я нашел у них удивительное понимание моих интересов. Мама, актриса сначала Детского театра, потом МХАТа, помогала помыть и почистить, а то и постирать и подштопать мои сокровища. Папа, художник, помогал в реставрации. Затем я стал давать объявления на водосточных трубах, которые сам и печатал на печатной машинке родителей через копиру, что-то вроде: «Куплю старину: бирсы, корсет». Мне звонили старушки: «Мальчик, у меня все это есть!» И по цене от одного рубля до трех — цены были такие — я начал собирать коллекцию. Тогда же журналистка Анна Малышева для «Юности» написала обо мне статью «Никуда не деться от Сани Васильева», что было правдой: я знал всех старушек в Москве. Журнал был популярным, и после этой статьи я начал получать посылки со всех концов СССР: «Вы собираете старину? А у нас за печкой есть старые чулки!» Мне годилось все. К тому же папа, поняв, что мое увлечение серьезно, стал давать мне деньги. На мое шестнадцатилетие, в 1974 году, его первый вклад в мою коллекцию был грандиозным по тем временам — пять тысяч рублей! Это была автомашинка!

— И вы не соблазнились?

— Я не имею машины до сих пор, предпочитаю вкладывать

денги в старину. Папа и потом поддерживал меня, дав мне еще пять тысяч рублей. На них я купил в антикварных магазинах первые платяе, кружева, веера, порт-букеты, старинные журналы мод, гравюры, рамы, акварели. Ко времени отъезда во Францию уже была коллекция, но с собой я ничего не взял — уезжал-то я на два месяца.

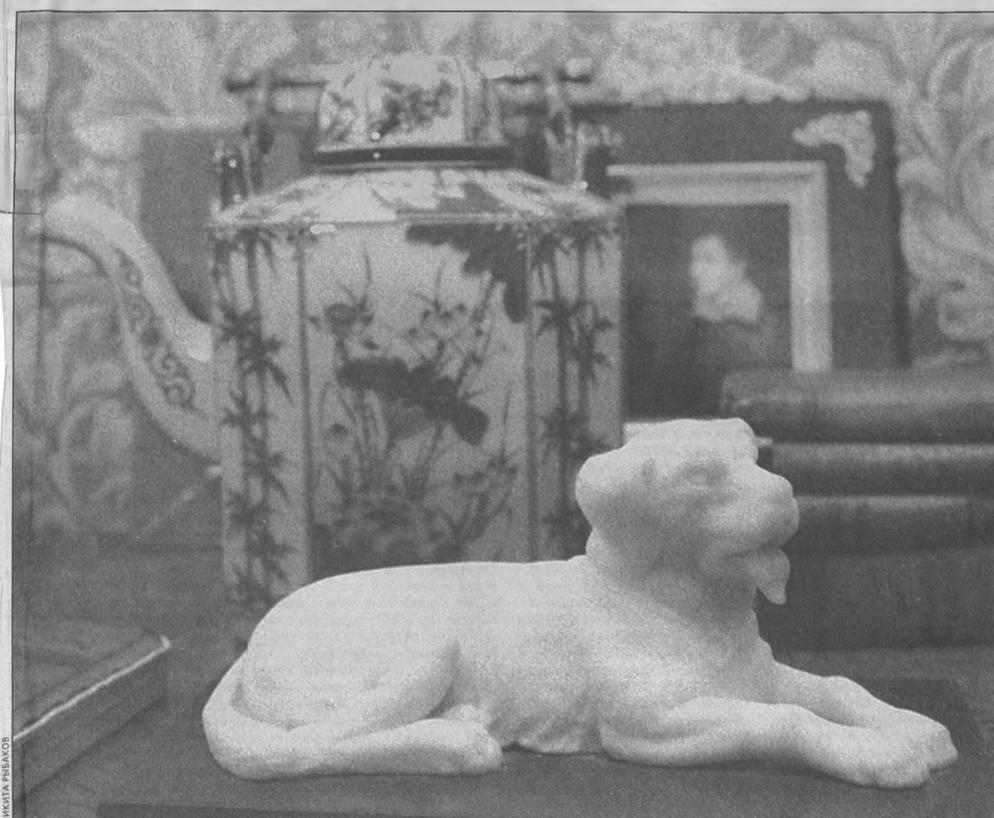
На блошином рынке на Portobello Road серебряная ваза XVIII века когда-то стоила 250 фунтов. Сегодня специалисты оценивают ее в 30 тысяч евро

Блоши haute couture

Блошиные рынки, или броканты, Парижа (marchés aux puces — brocantes) ведут историю с 1841 года, когда разрозненные лавки старьевщиков оказались сосредоточенными в одном из районов на севере столицы — Porte de Clignancourt, составив несколько кварталов. Именно этот год считается датой рождения одного из самых крупных парижских блошиных рынков — Porte de Clignancourt. Старьевщики — не самое правильное определение первых собирателей старины.

Среди всякой всячины вроде оловянных кастрюль и битых чашек можно было встретить и вазу времен династии Мин, и кресло, в котором вполне вероятно сидел герцог Борджиа. Приобрести же девичью кровать Жозефины де Богарне на рынке Porte de Clignancourt мог позволить себе даже рядовой энтузиаст антиквариата. К 1925 году семидесят самых известных антикваров решили объединиться и взять в аренду землю, на которой построили постоянные павильоны. Так

возник рынок антиквариата Birot, самый главный из семи рынков, объединившихся вокруг Porte de Clignancourt. Сегодня Birot — это двести двадцать павильонов, открытых в субботу, воскресенье и понедельник. Парижане даже называют его Faubourg Saint-Honore de Puce, имея в виду самую роскошную улицу, где расположены престижные дома мод. Другие известные блошиные рынки Парижа — Vanves, Montreuil, Alligre, Maline, Paul Vert, Verneson.

Настольная скульптура эпохи королевы Виктории куплена за 200 лит (приблизительно 70 долларов) на барахолке в Литве. Рыночная стоимость раритета сегодня возросла в десять раз